

ОСОБЕННОСТИ РАМОЧНОГО ТЕКСТА «ГОЛУБОЙ КНИГИ» М. М. ЗОЩЕНКО

*Работа представлена кафедрой истории русской литературы СПбГУ.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор И. Н. Сухих*

В статье рассматриваются вступления, послесловия и стихотворные эпитафии «Голубой книги» М. Зощенко, определяются особенности их функционирования в тексте, соотношения между собой и с книгой в целом.

The article is dedicated to peculiarities of a “framing text” in “The Sky Blue Book” by M. Zoshchenko (their functions, correlations, participation in genre forming).

«Голубая книга», публикация которой началась в 1934 г., задумывалась М. М. Зощенко как произведение, знаменующее новый этап его творчества. Это одновременно и попытка создания книги в духе «оптимистической сатиры», и осмысление своего писательского пути (именно поэтому он начинает воспринимать все написанное ранее как «черновик» к «Голубой книге»). В ноябре 1933 г. о замысле нового произведения Зощенко писал В. Е. Ардову: «Пока что много работаю. Задумал одну удивительную книжку. Все, что раньше писал, – оказались черновые наброски к этой книге. В общем, мир ахнет и удивится от моей новой фантазии»¹.

«Черновики» отбирались по тематическому принципу. Сам М. Зощенко описывал процесс создания книги рационалистически: он «раскидал» рассказы по разделам, как «мячи в сетку». В творческой истории

«Голубой книги», таким образом, можно выделить три стадии: 1) стремление структурировать и обобщить в художественной форме исторический материал, который Зощенко собирал на протяжении многих лет; 2) отбор рассказов, иллюстрирующих закономерности, отмеченные при анализе исторических фактов; 3) переработка этих рассказов, приведение их к единой тональности. Для объединения рассказов были дописаны «переходы» и создана сложная рамочная конструкция – вступления и послесловия к каждому разделу наряду со вступлением и послесловием ко всей книге.

Для того чтобы объединить в цельное произведение написанные в разное время рассказы и исторические части, требовалось средство более сильное, чем «связки» между рассказами. Для создания произведения в жанре прозаической книги Зощенко пользуется инструментарием жанра кни-

ги поэтической – продуманным планом расположения частей, использованием лейтмотивов. Ассоциативная связь между разделами книги столь же значима, как и сюжетно-тематическая. Внешняя дискретность построения уравнивается внутритекстовыми связями, которые сводят все линии книги в единый ансамбль. Особую роль в объединении частей играет сложная рамочная конструкция «Голубой книги» – вступления, послесловия к разделам, система эпиграфов.

Функция вступления и послесловия не ограничивается указанием темы, основной для раздела. Они служат ориентиром, намечают линии схождения и ассоциативных связей. Кроме того, задача послесловия – «крепче связать»², завязать «морским узлом» (с. 235) все то, о чем говорилось в разделе. Послесловие резюмирует, «что мы видим, прочитавши исторические новеллы и забавные мелочишки из нашей жизни» (с. 235). Из послесловия выясняется, что явления жизни, ставшие темой рассуждения в разных разделах, не являются чем-то изолированным, они тесно связаны, более того, некоторые из них оказываются производными от других. Например, причинами неудач называются глупость и темнота, «и даже мы отчасти заметили, что неудачи – законное дитя, рожденное от бракосочетания этих причин с торопливым желанием хорошо пожить» (с. 317). А желание хорошо пожить является доминирующим в рассказах разделов «Деньги» и «Коварство», с ним же связаны и истории о любви по расчету. Таким образом, все оказывается связанным со всем, и формально отделенные друг от друга разделы оказываются неразрывными в «истории человеческих отношений».

Стихотворные эпиграфы также образуют особого рода внутритекстовое единство. Используя термин «эпиграф», мы следуем авторскому именованию: в письме М. Шагинян М. Зощенко называет стихотворные цитаты «эпиграфами», несмотря на то что они введены в текст «Голубой книги», а не

предшествуют книге или ее отдельным частям. Эпиграфы необходимо отличать от цитат (они могут быть как стихотворными, так и прозаическими). Цитаты иллюстрируют тот или иной микросюжет книги, в отличие от эпиграфов, которые соотносятся со всем разделом, а рассмотренные в контексте всего произведения – и со всей книгой. Авторы стихотворных цитат в «Голубой книге», как правило, названы (Мюссе, Апухтин, Третьяковский и др.), в то время как эпиграфу обычно предшествует пояснение типа «один поэт сказал». Попытаемся выделить и атрибутировать стихотворные эпиграфы «Голубой книги».

«Любовь»

А. Блок. «Влюбленность»: О влюбленность, ты строже судьбы. / Повелительней древних законов отцов... / Слаще звуков военной трубы (с. 104).

Н. Гумилев. «Дом»: Казалось, все радости детства / Сгорели в погибшем доме, / И мне умереть захотелось, / И я склонился к воде, / Но женщина в лодке скользнула / Вторым отраженьем луны, / И если она пожелает, / И если позволит луна, / Я дом себе новый построю / В неведомом сердце ее (с. 105).

М. Лохвицкая. «Что такое весна»: Что такое любовь? О любовь! О любовь! / Это солнце в крови, это в пламени кровь... / Это райская сень, обретенная вновь. / Смерть над миром царит, а над смертью – любовь (с. 107).

«Коварство»

С. Есенин. «Не жалею, не зову, не плачу...»: Все пройдет, как с белых яблонь дым (с. 236).

«Неудачи»

С. Есенин. «Не жалею, не зову, не плачу...»: Жизнь моя, – воскликнул он, – иль ты приснилась мне! / Словно, – говорит, – я весенней гулкой ранью / Проскакал на розовом коне (с. 238).

А. Блок. «Осенний день»: И низких нищих деревень / Не счесть, не смерить оком!.. О нищая моя страна, / Что ты для сердца значишь? / О бедная моя жена, / О чем ты горько плачешь? (с. 239).

Н. Гумилев. «Заблудившийся трамвай»: Но все же навеки сердце угрюмо, / И трудно дышать, и больно жить (с. 242).

Н. Некрасов. «Железная дорога»: Вынес достаточно русский народ. / Вынесет все – и широкую, ясную / Грудью дорогу проложит себе. / Жаль только – жить в эту пору прекрасную / Уж не придется ни мне, ни тебе (с. 317).

«Удивительные события»

М. Лермонтов. «И скучно, и грустно...»: Жизнь, как посмотришь / С холодным вниманьем вокруг, – / Такая пустая и глупая шутка (с. 319).

А. Прокофьев. «Мы»: За это бились под Орлом, / Под Жмеринкой дрались. / За эту драку, черт возьми, кривую как коса, / Нас всех, оставшихся в живых, берут на небеса. / Но нам, ребята, не к лицу, благословенный край... (с. 350).

С. Есенин. «О, Русь, взмахни крылами...»: Довольно гнить и ноять / И славить взлетом гнусь, – / Уж смыла, стерла деготь / Воспрянувшая Русь (с. 351).

Н. Некрасов. «Железная дорога»: Эту привычку к труду благородному / Нам бы не худо с тобой перенять, / Благослови же работу народную / И научись мужика уважать (с. 352).

А. Блок. «Голос из хора»: Как часто плачем – вы и я / Над жалкой жизнью своей!

О, если б знали вы, друзья, / Холод и мрак грядущих дней (с. 354).

Внутри отделов каждый последующий эпиграф развивает мотивы предыдущего либо противопоставляется ему. Так, в разделе «Любовь» первый эпиграф, взятый из стихотворения А. Блока, вводит мотив романтической рыцарской влюбленности, ради которой человек готов преодолеть любые преграды. Цитата из стихотворения Н. Гумилева продолжает эту тему (благодаря любви человек способен преодолеть отчаяние) и намечает тему следующего эпиграфа: любовь царит над миром, она сильнее смерти. В разделе «Неудачи» иное соотношение эпиграфов: горьким размышлениям А. Блока и Н. Гу-

милева противопоставлена некрасовская вера в будущее.

Эпиграфы разных разделов перекликаются друг с другом. Примечателен сам «отбор» авторов, которых цитирует М. Зощенко: А. Блок, Н. Гумилев, М. Лохвицкая, С. Есенин, Н. Некрасов, М. Лермонтов, А. Прокофьев. В разных отделах Блок и Есенин цитируется трижды, Гумилев и Некрасов – дважды. Стихотворный метатекст, который вводит М. Зощенко в «Голубую книгу», ориентирован преимущественно на литературу начала XX в. А. Блок и Н. Гумилев сыграли особую роль в судьбе М. Зощенко. Н. Гумилев и М. Горький были инициаторами создания литературной студии при издательстве «Всемирная литература», в которую пришел милиционер М. Зощенко. В самом начале своей литературной деятельности Зощенко присутствовал на последнем публичном чтении Блоком своих произведений в Доме искусств, и эта встреча произвела на начинающего писателя гнетущее впечатление: «Я никогда не думал, что на лице могут отражаться такая тоска и такое безразличие. <...> Меня душит какое-то волнение. Теперь я почти вижу свою судьбу. Я вижу финал своей жизни. Я вижу тоску, которая меня непременно задушит»³. «Голубая книга» – попытка осмыслить свое творчество и свою судьбу, и отбор авторов для цитирования здесь символичен.

Эпиграфы формируют отдельный сюжет, развивающийся параллельно сюжету «Голубой книги» и во многом определяющий и комментирующий его. Утверждение и отрицание, печаль и оптимизм сосуществуют в зыбком равновесии. Лирическая линия повествования усиливает внутреннее единство произведения, связывает разделы между собой, а всю книгу в целом – с большим миром литературы. Эпиграфы акцентируют внимание на важнейших мотивах «Голубой книги»: это размышления о силе любви, боль за Россию, напоминание о свершившихся грандиозных переменах, призыв уважать и ценить человека и его

труд. В них звучит и надежда: «все пройдет, как с белых яблонь дым» – о коварстве, «вынесет все – и широкую, ясную, грудью дорогу проложит себе» – о неудачах.

У стихотворного метатекста, который образуют эпиграфы, есть одна особенность – здесь наблюдается постоянная балансировка между «утверждением» и «отрицанием». Virtuозность построения книги заключается в том, что Зощенко удается удерживать в равновесии пласты, которые условно можно назвать «прозаическим» и «стихотворным». Интонационно различные, неоднородные по составу они не диссонировать, а дополняют друг друга. И только в конце прозаический и стихотворный сюжеты расходятся: последний стихотворный эпиграф («Как часто плачем – вы и я...») ничем не уравновешен. Развиваясь параллельно на протяжении всей книги, эти сюжеты приходят к разным финалам. Повествователь-«прозаик» в будущем представляет себе «иные и великолепные картины» (с. 354) и на этом заканчивает пятую часть «Голубой книги». Повествователь-«поэт» пессимистичен: «О, если б знали вы, друзья, Холод и мрак грядущих дней» (с. 354). Радость и надежда, о которых должна была поведать «Голубая книга», оказываются под вопросом, а сам текст предстает как необычайно сложное амбивалентное построение.

Аналогичные переходы от «плюса» к «минусу» и наоборот наблюдаются и в «прозаическом» тексте. Приведем один пример. Утверждение, что в новой советской стране отношение к людям не зависит от имущественного положения, ставится под сомнение очень тонко. Интересно пронаблюдать, как в «Трагикомическом рассказе про человека, выигравшего деньги» («Деньги») меняется именование героя на протяжении рассказа. Известие о выигрыше получает Борька Фомин. До тех пор пока не появляются дополнительные доказательства его удачи («семь газет из разных комнат», с. 88), он остается Борькой. «Все глядят и проверяют и видят – нету сомне-

нья» (с. 89) – тогда герой становится Борисом Андреевичем, но до того, как он принесет выигранные деньги домой, еще можно назвать его Борисом, Борей и в ссоре с женой даже Борькой. Борисом Андреевичем он остается недолго – до «подлой кражи со стороны этого бешеного родственника» (с. 91), «Борькиного» племянника. Вместе с деньгами исчезает и «Борис Андреевич», его место на две недели занимает «Борька». После возвращения денег «Борис Андреевич вдруг моментально с бухты-барахты женится...» (с. 93). Завершается эта детективная история вопросом, «что будет, когда Борис Андреевич поистратится» (с. 93). Ясно только, что он снова станет Борькой. А вот утверждение повествователя «у нас есть деньги. < ... > ...но они иначе распределяются между людьми. И у нас нет уважения к тому, кто почему-либо их больше имеет» – кажется весьма сомнительным. И рассказ в итоге оказывается не о том, «как влияют деньги на симпатичного человека» (с. 87), а о том, как влияют они на восприятие человека окружающими людьми.

Проведенное таким образом отрицание компенсирует редакторскую правку, после которой книга лишилась многих вводных слов, делающих оптимистические утверждения менее категоричными⁴. В ходе анализа произведения обнаруживается, что многие фрагменты взаимодействуют как «утверждение» и «отрицание». На наш взгляд, о таких взаимодействиях внутри текста можно говорить как об одном из принципов построения «Голубой книги». Чтение книг Зощенко оказывается сродни чтению детективной литературы с ее постоянными попытками угадывания авторской интенции и – как показала Л. П. Григорьева – авторских тайн: «Зощенковский текст осложнен его внутренней сопротивляемостью интерпретациям, срабатывают механизмы защиты, сознательно сооруженные автором. В этой связи можно поставить вопрос не только о том, “что хотел сказать автор”, как это делает А. Жолковский, но и о том, “чего он не хотел сказать”. “Фи-

гура сокрытия” – важнейший прием поэтики писателя»⁵.

Вступления, послесловия и эпиграфы обрамляют отделы «Голубой книги» и организуют ее стилистически неоднородные компоненты в стройную систему, подчеркивают их взаимосвязь и подчиненность единому замыслу. Значение рамочных элементов подчеркивал и сам М. Зощенко: «Мне говорят, не нужно вводных частей. Но если оставить в книге рассказы без вводных частей, то книга не нужна. Можно было бы печатать просто сборник новелл. Или книга есть, или ее нет»⁶. Ввод-

ные части, таким образом, делают «Голубую книгу» – книгой. А выявленная нами особенность взаимодействия эпиграфов между собой и с прозаическим текстом может рассматриваться в разных «системах координат»: и как рационально выстроенная и осознаваемая писателем «маскировка» своих истинных взглядов и убеждений, и как бессознательный выход эмоций – пессимизм М. Зощенко и его скептическое отношение к «новой действительности» прорываются даже через внешний оптимизм и светлый настрой «Голубой книги».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы к биографической хронике // Зощенко М. М. Уважаемые граждане: Пародии, рассказы, фельетоны, сатирические заметки. Письма к писателю. Одноактные комедии. – М.: Книжная палата, 1991. С. 64.

² *Зощенко М.* Голубая книга. СПб., 2003. С. 166. В дальнейшем ссылки даются на это издание с указанием страницы в скобках.

³ *Зощенко М.* Перед восходом солнца // Зощенко М. М. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. С. 256–257.

⁴ Об этом: Печерский С. Цензорская правка «Голубой книги» М. М. Зощенко // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 3. М., 1991.

⁵ *Григорьева Л. П.* О «Петербургских пространствах» Михаила Зощенко (Новеллистика 1920-х годов) // Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 9. Секция новейшей русской литературы. Петербургский текст в русской литературе XX в. Часть 1. СПб., 2002. С. 30.

⁶ Материалы к биографической хронике // Зощенко М. М. Уважаемые граждане: Пародии, рассказы, фельетоны, сатирические заметки. Письма к писателю. Одноактные комедии. М.: Книжная палата, 1991. С. 64.